

Туманные представления XXI века о прародине индоевропейских языков

Дж.П. Меллори (J. P. Mallory), Королевский Университет, Белфаст

перевод Ю.А.Васильевой

Представляем перевод статьи североирландского и американского археолога, специалиста по индоевропейской проблематике, профессора Джеймса Пэтрика Мэллори. Эта статья представляет собою обобщающий комментарий к некоторым докладам на семинаре «Прародина индоевропейцев и миграции: лингвистика, археология и ДНК» (Москва, 12 сентября 2012 года). В ней кратко изложен обзор трёх моделей происхождения индоевропейцев – Неолитическая Анатолия, Ближний Восток и Понтийско-Каспийский регион – в свете их способности объяснить феномен индоевропейской филогении, а именно отделения анатолийской ветви от других индоевропейских языков и распространение земледельческих терминов в индоевропейском мире.

На англ. языке статья была опубликована в журнале «Вопросы языкового родства», 2013, №9 («Вестник РГГУ» №5 (106))

Читайте также ниже, в разделе «Мнения экспертов» комментарий проф. Л.С.Клейна к данной статье

В 1900 году Уильям Томпсон, родом из Белфаста и более известный как Лорд Кельвин, прочёл свою знаменитую лекцию под названием «Туманные представления XIX века, касающиеся динамической теории тепла и света», в которой он определил два «тёмных облака», которые омрачали во всех прочих отношениях безоблачные небеса современной ему физики. Это:

— неспособность науки представить очевидные доказательства существования эфира и

— неспособность объяснить излучение чёрного тела.

Мне и раньше приходили в голову идеи использовать аналогичный подход для структурирования моих собственных комментариев, прежде чем я получил тезисы этого симпозиума. Поэтому я с удовлетворением отметил, что Т.Гамкрелидзе и В.Иванов в самом начале своих статей намекают на анатолийского бога «Ni-ra-s», которого они соотносят с санскритским «nabhas», греческим «nerphos» и т.п., что в переводе означает «облако». Мы встретились на этом симпозиуме, чтобы воздать должное работе Николая Мерперта, чьи исследования Понтийско-Каспийской степи внесли весомый вклад в дискуссии на тему происхождения и распространения индоевропейских языков (Merpert, 1961, 1965, 1974). Значительное количество статей, представленных на этом симпозиуме, затрагивает проблему прародины индоевропейских языков и особенно интересна роль Понтийско-Каспийской степи в рамках нашего понимания распространения индоевропейских языков. Именно по этой причине я считаю уместным, подобно моему гораздо более знаменитому предшественнику из Белфаста, разобраться с тем, что я полагаю одним из «тёмных облаков», которые затуманивают любое из предложенных решений проблемы происхождения индоевропейских языков. Для того, чтобы обозначить степень серьёзности проблемы, я подчёркиваю, что имею в виду то понятие, которое в русском языке определяется как «туча», а не как белое и пушистое «облако».

Подобно Лорду Кельвину, я ограничу своё обсуждение двумя «тучами», невзирая на то, что мне хотелось бы существенно расширить эту метафору, что сделало бы возможным заслонить небеса научного познания таким количеством вредных воздушных препятствий, что это породило бы ассоциации с атмосферой Венеры.

Докладчики на этом симпозиуме, в целом, оказываются поддерживающими одно из трёх нижеперечисленных «решений» проблемы происхождения индоевропейских языков.

1. Анатолийская неолитическая модель.

Она приобрела особенную популярность благодаря работам Колина Ренфрю (1987). Эта модель привязывает происхождение индоевропейских языков к неолитической Анатолии и аргументирует это тем, что распространение индоевропейских языков сопровождало распространение земледелия по просторам Европы в рамках «волны переселения». После своего первоначального представления данная теория неоднократно модифицировалась с тем, чтобы учесть некоторые из наиболее серьёзных критических возражений, направленных на её развенчание. Пересмотренная модель (Renfrew, 1999) по-прежнему использует в качестве основного аргумента миграцию земледельческого населения из Анатолии на побережье Эгейского моря и Балканы, с захватом Центральной Европы по долине Дуная (подтверждается археологическими находками линейной керамики), а также по западному побережью Чёрного моря, где это имело своим следствием привнесение земледелия, равно как и индоевропейских языков в степи. Северные области Европы и её атлантическая периферия рассматриваются не столько как области миграционной колонизации, сколько в рамках приспособления местного населения к новым экономическим условиям.

Распространение индоевропейских языков в Центральной и Южной Азии изначально объяснялось посредством одной из двух альтернативных моделей: «План А», который опирался на то, что неолитическая экономика распространялась к востоку от Анатолии в направлении Индии (в силу чего индийская цивилизация может рассматриваться как индоевропейская) или «План Б», который рассматривает индоиранцев в свете гораздо более поздней миграции людей бронзового века из азиатских степей в южном направлении, на территорию южных областей Центральной Азии и Индию.

Ренфрю с течением времени отказался от «Плана А» в пользу «Плана Б». Однако недавнее и многократно опубликованное исследование проблемы прародины индоевропейцев, предложенное Бокертом с соавторами (2012), которое частично поддерживается Полом Хеггартом на данном симпозиуме, похоже, выдвигает аргументы в пользу оригинального «Плана А» (по Ренфрю), т.е., прародина индоевропейцев определяется на территории Анатолии в начале неолита (7-е тысячелетие до н.э.) с изначально симметричной экспансией как на запад (в Европу), так и на восток (в Азию). При этом экспансия не обязательно привязывается к распространению земледелия.

2. Ближневосточная модель.

Основными апологетами данной теории являются лингвисты Тамаз Гамкрелидзе и Вячеслав Иванов (1999, 2002). В их работах прародина индоевропейцев определяется к югу от Кавказа и индоевропейская экспансия датируется несколько более поздними сроками, чем это представлено в анатолийской неолитической модели. Распространение земледелия не является критическим моментом в Ближневосточной модели. Определяющей чертой является то, что древние европейские языки (балто-славянские, германские, кельтские, италийские) все выводятся как результат миграции периода бронзового века к востоку от Каспия через Центральную Азию. В результате создано представление о вторичной родине, локализованной к северу от Чёрного и Каспийского морей.

Другая возможная вариация данной модели может быть найдена в недавно вышедшей книге Леонида Сверчкова (2012), посвящённой тохарским, и, более обобщённо, индоевропейским корням в Центральной Азии.

3. Понтийско-Каспийская модель.

Этот подход к определению прародины индоевропейцев породил большое число публикаций, представленных Марией Гимбутас (1991, 351-401), а совсем недавно – вызвавшей бурные споры работой Дэвида Энтони (2007). Сторонники данного подхода определяют искомую родину индоевропейцев в степных и лесостепных областях между Днестром и Волгой в период между 4500 и 3000 годами до н.э.

В то время как существуют многочисленные научные труды, поддерживающие все возможные варианты решения данного вопроса, я хотел бы просто проиллюстрировать две проблемы – одну изначально лингвистическую, а вторую археологическую. Мои иллюстрации помогут определить те «тучи», которые заслоняют видение любого из решений.

«Туча №1» Лингвистическая филогения

Одним из основных тестов валидности любой из моделей происхождения индоевропейцев является следующее: может ли предложенное решение использоваться для объяснения филогении индоевропейских языков (Mallogy, 1997a, 103). В целом, археологам здесь была предоставлена полная свобода благодаря отсутствию согласия между лингвистами как по вопросам точного вида генеалогического древа индоевропейских языков, так и его конфигурации во времени и в пространстве. В то время как индоиранская ветвь достоверно может быть рассматриваема как валидная подгруппа, а балто-славянская ветвь является, несомненно, понятием, признаваемым подавляющим большинством лингвистов, греко-армянская или итало-кельтская ветви являются предметом серьёзных разногласий. Таковыми являются и некоторые из более широких конструктов, такие как греко-индоиранская ветвь, (включающая или не включающая в себя армянскую группу).

Позиция тохарского языка, при всём уважении к прочим языкам, также является полем оживлённых дискуссий между теми, кто рассматривает его как сироту, находящуюся на периферии остальных индоевропейских языков и теми, кто желает объединить этот язык с любым количеством индоевропейских (от греческой до германской группы) языков.

Однако, при том, что в большинстве своём, лингвисты выражают согласие по той позиции, которая касается одной конкретной ветви: анатолийский язык первым выделился из общего числа индоевропейских языков, упомянутые «тучи» XXI века закрывают для нас решение вопроса о прародине индоевропейских языков либо в рамках протоиндоевропейской концепции, либо как скоординированной части индо-хеттской группы.

Основным аргументом, который часто выдвигается, является то, что анатолийский язык демонстрирует недостаточное развитие существенного количества черт, которые характеризуют определённый Бругманом протоиндоевропейский язык (aorist, perfect, subjunctive, optative и пр., Fortson, 2004, 155) и, следовательно, его связи с более ранним континуумом должны были быть оборваны ранее, чем развился протоиндоевропейский язык или остальные индоевропейские языки.

Это можно объяснить двояко:

- Предки носителей анатолийских языков мигрировали со своей родины, где существовал протоязык до того, как он сформировал в себе общие индоевропейские черты. В соответствии с этой моделью, анатолийский язык должен был сохранить архаическую структуру, в то время как предки остальных индоевропейских языков всё ещё оставались неразделёнными и в их развитие были привнесены более поздние стадии протоиндоевропейского языка.
- Предки носителей индоевропейского языка мигрировали со своей родины, где существовал протоязык. И именно этот протоязык продвинулся дальше с тем, чтобы обновиться, в то время как анатолийский, предположительно, остался на родине с тем, чтобы сохранить свои архаизмы. Очевидно, мы можем усложнить ситуацию ещё более, предложив рассмотреть гипотетическую родину, с которой как те, так и другие предки носителей языка – как анатолийского, так и протоиндоевропейского, мигрировали в различных направлениях. Однако, вероятность этого крайне мала и это, помимо всего прочего не имеет отношения к теме последующей дискуссии.

Если мы применим предложенный нами тест к трём моделям происхождения языка, мы увидим, как каждая из моделей пытается удовлетворить его требованиям.

Понтийско-Каспийская. В этой модели лингвистические предшественники анатолийского языка рассматриваются как покинувшие свою родину ранее других и направившиеся к северу от Чёрного моря, минуя по дороге Балканы (Malloy, 1989, 241; Antony, 2007, 259) и, к началу бронзового века (в зависимости от того, какой из археологических сценариев считается нужным привлечь) они достигают Анатолии, оседают там и постепенно начинают доминировать над местным неиндоевропейским населением, таким как хатты. Позже, в рамках Понтийско-Каспийской родины, формируется зрелый вариант индоевропейского языка, по Бругману. Последующие миграции продвигают предков носителей большинства индоевропейских языков в Центральную и Северную Европу, в то время как, в большинстве своём, лингвистические предки греков и индоиранцев распространяются как на восток, так и на запад на протяжении бронзового века. Эти поздние миграции включают в себя также предков фригийцев и армян, представителей двух других языковых групп, которые жили на территории Анатолии, но чей язык не может быть отнесён к анатолийскому в лингвистическом смысле. Какими бы ни были археологические основания этого доказательства, эту родину можно считать основой разделения между анатолийским и другими индоевропейскими языками.

Ближневосточная. При том, что сторонники этой теории могут не соглашаться в деталях, они всеми силами стараются представить модель, в соответствии с которой анатолийский язык развивался независимо от всех прочих индоевропейских языков, которые могли двигаться вместе по пути развития. Например, в модели, предложенной Григорьевым, предки носителей анатолийского языка переселились из Анатолии на Балканы, и следствием этого являются лингвистические изменения в Восточной Анатолии, которые могут быть основанием для общего развития всех прочих индоевропейских языков (Grigoriev, 202, 354-357, 412-415). Позднее, в течение бронзового века, носители анатолийского языка возвращаются в Анатолию, в то время как предки греков, по крайней мере, некоторые из них, перемещаются по Кавказу в направлении Балкан. При том, что данная модель также требует минимального объяснения первого этапа индоевропейской филогении, отделение анатолийцев от остальных индоевропейцев, равно как и дальнейшее движение прочих индоевропейских языков оказываются гораздо более сложными, чем то, как это рисует Понтийско-Каспийская модель.

Неолитическая Анатолийская. В пересмотренной модели Ренфрю (1999) «План Б» анатолийский остаётся в пределах своей родины в то время как прочие индоевропейские языки распределяются по просторам Европы, что снова позволяет протоиндоевропейским языкам развиваться независимо от анатолийского и фригийского. При этом армянский мог позже «вернуться» в Анатолию. Что касается азиатских языков, эта модель не обозначает существенного отличия от Понтийско-Каспийской модели. Данная модель также предлагает возможное пространственное решение проблемы изначального разделения индоевропейцев.

С другой стороны, недавняя гипотеза Бокерта и соавторов (2012) рассматривает брешь между анатолийским и другими индоевропейскими языками с совершенно других позиций. По их мнению, прародина (в том числе протоанатолийского языка) находилась в самой Анатолии. В то время как собственно анатолийский язык развивался в центре, европейские индоевропейцы (предки греков, римлян и т.п.) распространялись в западном направлении через Эгейское побережье и Балканы, а азиатские индоевропейцы (индоиранцы) двигались на восток, в сторону Индии. Т.е., происходил симметричный «большой взрыв», берущий начало на территории, идентичной более поздней локализации анатолийских языков. При этом мне кажется, что не предпринимается попыток разобраться с разделением анатолийского и других индоевропейских языков, которое, в соответствие с предложенной авторами хронологией, произошло тысячелетием позже.

Следует особо отметить, что именно эта модель локализует предков греков в Греции, к западу от протоанатолийского

региона, а предков индоиранцев далеко к востоку от Анатолии, предотвращая, таким образом, взаимовлияние обеих ветвей, что неизбежно должно было произойти за 2500 лет сосуществования и развития, как этого требует предлагаемая данной моделью хронология и филогения. Как можно объяснить параллельные лингвистические инновации, происходящие как к востоку, так и к западу от региона, к которому привязан протоанатолийский язык? Статистики, разработавшие эту модель, похоже, предполагают некую форму взаимного контакта на расстоянии, подобную той, которую в своё время отверг Эйнштейн как «Spukhaftige Fernwirkung» («Абсолютное и относительное»). Трудно понять, как можно решить эту проблему без того, чтобы либо пересмотреть данную модель так, чтобы остальные индоевропейские языки двигались из Анатолии в одном направлении либо придумать сложные перемещения языков и их носителей уже за пределами Анатолии.

Первое из решений – это именно то, которое принял Ренфрю, пересмотрев изначальный вариант своей теории, но которому теперь противоречит модель Бокерта. Второе решение труднее себе представить, поскольку временная перспектива, похоже, привязывает данную модель к распространению земледелия в Греции в 7-м тысячелетии до н.э. (и, таким образом, вынуждает предков индоиранцев претерпевать тот же процесс, если они должны развиваться параллельно с протогреками). Либо следует пересмотреть греческие перемещения и привязать их не к неолиту, а к другому, более позднему историческому периоду (бронзовому веку?) – и при этом всё равно потребуется каким-то образом связать их предполагаемое развитие с протоиндоиранцами. Можно попробовать применить гениальную модель колесницы, предложенную Робертом Друзом (1988), описывающую распространение греков и индоиранцев в период около 1600 г. до н.э. и связанную со сражениями колесниц, однако это полностью разрушит выстроенную Бокертом хронологию развития индоевропейских языков. Короче говоря, это та модель, которая не соотносится с той единственной чертой индоевропейской филогении, которая имеет практически универсальную поддержку.

Естественно, существует альтернативный взгляд на анатолийский язык, который не поддерживает идею его относительно глубокой древности, но, скорее, объясняет отсутствие в нём тех черт, которые мы находим в других индоевропейских языках как «потери». Поскольку такие взгляды, в основном, объясняются потерями, вызванными воздействием неиндоевропейского субстрата на анатолийский в пределах самой Анатолии, такая альтернативная модель едва ли может поддерживать представление о том, что родина индоевропейских языков была на территории Анатолии.

Хотя мне пришлось сконцентрироваться на единичном элементе генеалогического древа индоевропейских языков, отсутствие полностью разработанной и согласованной филогении является серьёзным недостатком, затрудняющим разработку различных моделей происхождения языков. Связь между наглядными данными сравнительной лингвистики, данными исторических наук, в частности, археологии и анализом древнейших образцов ДНК в настоящее время является весьма хрупкой. Единственный способ увязать эмпирические данные лингвистики с данными археологии лежит в способности лингвистики предоставить некий более широкий структурный паттерн, объясняющий эволюцию различных ветвей индоевропейского генеалогического древа, в соотношении с которым могут быть «проверены» различные решения, предлагаемые археологической наукой. Без формирования такой филогении, с которой были бы согласны все участники дискуссии, мы всегда будем страдать от отсутствия ключевых понятий, позволяющих разрабатывать пока противоречащие друг другу гипотезы.

«Туча№2» Земледелие.

Вторая «туча» касается лексико-культурных данных, которые могут быть подтверждены данными археологии. Все модели, описанные выше, признают, что протоиндоевропейцы имели экономику, основанную на разведении одомашненных животных и выращивании культурных злаков. Более ранние модели, такие, например, как детально разработанная Вильгельмом Бранденштейном (1936), которые предлагали отчётливую дихотомию между осёдлыми европейцами и кочевыми индоиранцами (или тохарами), едва ли может быть поддержана в настоящее время (Mallogu, 1997b) и, несмотря на достаточное количество различий, до сих пор существует существенное количество земледельческих понятий, общих для европейских и азиатских языков (таблицы 1 и 2). При том, что список родственных слов может, конечно, критиковаться в том, что касается узкоспецифических моментов и вывод может показаться излишне оптимистичным, я боюсь, что всё же остаётся солидный набор слов, показывающих, что как европейские, так и азиатские индоевропейцы имели общие, унаследованные от предков названия как для домашних животных, так и для пахотного земледелия. (Если кто-то может доказать, что это не так, то эта новость очень облегчит существование многих моделей происхождения языка.) Таким образом, любое решение проблемы происхождения языка поможет объяснить, каким образом мы можем восстановить родственные понятия, связанные с земледелием на всей территории – от Ирландии до Индии. Мы снова можем видеть, как каждая из моделей справляется с этим требованием.

Таблица 1. Слова, используемые для обозначения домашних животных как минимум в одном европейском и в одном азиатском (индоиранском, тохарском) языке.

*g ^w ou	корова	*h ₂ ówis	овца	*b ^h uǵo	козёл
*(h ₁)eǵ ^h	корова	*wóh ₁ én	ягнёнок	*h _a eǵó	козёл

*wokeh _a	корова	*moisó	овца, руно	*sus	свинья
*uk ^(w) sen	бык	*aiġ	коза	*pórko	поросёнок

Таблица 2: Слова, связанные с земледелием, обнаруженные в как минимум одном европейском и одном азиатском языке. (Перечень злаков основан на публикации Мэллори (1997b) и на неопубликованной рукописи Вацлава Блажека «К вопросу об индоевропейском «ячмене»», которую автор любезно предоставил мне для ознакомления)

*ses(i)ós	± зерно	*h ₂ eksti-	ость	*seh ₁	пила
*yéwos	± зерно, ?ячмень, ? пшеница'	*h ₂ éreh ₂	трава/ рожь	*wers-	молотить
*ġrha _{nóm}	± зерно	*ālu-	съедобный корень	*pelo/eh ₂	солома, соломенный
*ġ ^h resd ^h i-	± зерно, ?ячмень'	*keres-	просо	*melh ₂	молоть
*b ^h ars	± зерно, ?ячмень'	*pano-	просо	*peis-	молоть
*d ^h oh _x néh ₂	± зерно	*kāpos	поле	*h ₂ el-	молоть
*h ₂ ed-	± зерно	*h ₂ érh ₃ ye/o-	плуг	*srpo/eh ₂	серп
*h ₂ elb ^h it-	± зерно, ?ячмень	*g _n el-	плуг	*g ^w reh _a won	мельница
*meiġ ^h -	± зерно	*h ₃ ekéteh _a -	борона		

Анатолийский неолитический язык

Предложенный Ренфрю «План Б», включающий в себя распространение земледелия из Анатолии в Европу и затем вокруг Понтийско-Каспийского региона в восточные степи и далее к югу, в Иран и Индию, теоретически, может объяснить распределение унаследованного от предков земледельческого лексикона, хотя его трансмиссия от Балкан до европейских степей чрезвычайно проблематична (Mallory, в печати). Если признавать трансмиссию в степи возможной, тогда теория Ренфрю, касающаяся индоиранцев и носителей тохарского языка, в целом, не отличается от Понтийско-Каспийской модели и, следовательно, разделяет все недостатки «степной» модели, о которой мы будем говорить ниже.

Модель Бокерта и соавторов (2012), если проигнорировать пока проблему филогении индоевропейцев, на первый взгляд предстаёт как наиболее простой способ пространственно объяснить – почему у индоиранцев были сходные с европейскими названия для домашних животных и пахотного земледелия, т.е., пахотное земледелие распространялось как на восток, так и на запад из общего центра в Анатолии. А вот если мы начинаем разбираться глубже, то начинают возникать проблемы. Если принять временную привязку их решения, то мы можем полагать, что первая волна экспансии индоевропейских языков была связана с началом распространения земледелия. Наиболее вероятной будет изначальная локализация в Восточной Анатолии/Северной Сирии, откуда земледелие, вероятно, распространилось на запад, через территорию Анатолии (Mallory, 2009).

Проблема с учётом данных земледельческого словаря возникает тогда, когда мы начинаем рассматривать восточную экспансию, которая, согласно утверждению авторов этой модели, возникает позже, связана с отделением различных боковых языковых ветвей, включающих индоиранскую. Всё это происходит настолько позже, что «маловероятно, что земледелие служит в качестве единственного движущего фактора языковой экспансии». Даже если не принимать хронологию данной модели, можно спорить также о том, что восточная экспансия индоевропейцев из Анатолии датируется позже, чем изначальное распространение земледелия.

Если, например, индоиранцы должны быть связаны с самым первым появлением земледелия на населённых ими территориях, то можно предполагать, что иранская группа языков происходит либо из общего центра в Загросе, либо из южных областей Центральной Азии (Зейтун), в то время как раннеолитическое поселение в Мергаре (Белуджистан), конечно, более близко к Индии, чем любое другое. Чрезвычайно трудно представить себе, что все эти неолитические «очаги» имели общий язык (Восточную Анатолию и Мергар разделяет около 2500 километров). Более того, если двигаться к югу или востоку от Анатолийского/Северо-Сирийского центра земледелия, мы встречаем по пути области, которые были, по крайней мере, в древности, населены людьми, говорящими на хурритских, семитских, шумерских и эламских языках, ни один из которых не относится к индоевропейской группе. Представляется весьма правдоподобным, что вся область между Восточной Анатолией и Индией в раннем неолите была занята представителями неиндоевропейских языковых семей. Следовательно, как минимум два центра земледелия могли быть независимы друг от друга лингвистически, делая, таким образом, практически невозможным представить себе, как население восточного земледельческого центра могло говорить на том же языке, что и выходцы из Анатолии. И если индоарии получили свой словарь из той местности, которую населяли, и иранцы сделали то же самое, тогда каким образом они могли иметь общий путь развития индоиранских языков?

Подводя итоги, можно сказать, что даже с признанием анатолийского происхождения мы останемся с моделью, которая требует признания того, что формирование языков иранцев, индоариев или всех индоиранцев вместе взятых предполагает некую форму глобального языкового сдвига. Эта проблема является общей для Ближневосточной и для Понтийско-Каспийской моделей, и, следуя логике нашего анализа, мы находим, что модель Бокерта находится «в той же лодке». Все эти модели с очевидностью предполагают, что индоевропейские языки (включая земледельческий словарь их носителей) перенесли наложение/адаптацию в рамках как минимум нескольких развитых обществ Центральной Азии и Индии. Если принять это заключение за истинное, то получается, что существенная часть индоевропейского мира не может быть объяснена только земледельческой экспансией. Это верно даже для тех, кто поддерживает идею раннеолитической родины индоевропейских языков в Анатолии. И если мы вынуждены принять идею языкового сдвига в рамках нескольких развитых обществ в Азии, как мы можем утверждать, что только распространение земледелия может объяснить языковой сдвиг в менее развитых обществах Европы?

В любом случае, все три модели предполагают какую-либо форму капитального языкового сдвига, несмотря на то, что не существует достоверных археологических данных, подтверждающих, что в результате доминирования элиты либо других механизмов, произошёл языковой сдвиг, позволяющий объяснить, например, появление индо-ариев в Индии с последующим доминированием там. Следует отметить, что, несмотря на то, что модель Бокерта едва ли может увязать индоиранскую экспансию с изначальным распространением земледелия в Южную Азию, эта модель, по крайней мере, представляет неоспоримые доказательства существования целого комплекса культур, практиковавших пахотное земледелие на всех территориях – от языковой прародины до Ирана и Индии. Ближневосточная модель, конечно, также может утверждать то же самое благодаря увязыванию языковой прародины с Ираном и Индией, хотя она обременена логически чрезвычайно сложным объяснением того, почему относительно продвинутые земледельческие общества в Иране и Индии пренебрегли своими собственными языками в пользу тех, которые принесли с собой индоиранские переселенцы, являвшиеся представителями неолитической и бронзовой культур.

Ближневосточная и Понтийско-Каспийская модель (включая выдвинутый Ренфрю «План Б»)

Критическим моментом для всех этих моделей является то, что, хотя все они вместе и каждая по отдельности могли объяснить распространение названий домашних животных, существуют серьёзные проблемы, связанные с распространением пахотного земледелия (культурных злаков) к востоку от Днепра ранее 2000 до н.э. (См. также Ryabogina & Ivanov, 2011, Mallory, в печати). Это значит, что не существует доказательств существования культурных злаков в азиатских степях ранее конца бронзового века (Андроновое и т.п.). С точки зрения Понтийско-Каспийской модели, предки индоиранцев и тохаров не должны были пересечь Урал ранее (в лучшем случае) 2000 г. до н.э. Гипотезы, связывающие тохаров с более ранними экспансиями в восточные степи в связи с открытием Афанасьевской и Окунёвской культур в долине Енисея и на Алтае (Mallory and Maig, 2000), оказываются очень трудно, если не невозможно, подкрепить (до тех пор, пока мы не имеем доказательств существования пахотного земледелия в этих культурах), поскольку тохарский язык сохраняет элементы индоевропейской земледельческой лексики. Конечно, следует подчеркнуть, что раскопки Афанасьевской и Окунёвской культур состоят из почти исключительно захоронений и едва ли могут предоставить тот контекст, в рамках которого было бы возможно восстановить остатки культурных злаков. Более того, не существует доказательств того, что в ходе проводившихся там раскопок, в принципе, было возможно восстановление семян.

С другой стороны, семена культурных растений, датирующиеся приблизительно 2300 г. до н.э. (Frachetti, 2012), были обнаружены в результате раскопок в Бегаше, в горах Джунгарии, хотя эта область не была связана (насколько нам известно) степными дорогами с теми областями, где находятся Афанасьевое и Окунёво. В довершение всех трудностей, достаточно сложным оказывается составить карту распространения земледельческого словаря на территории Понтийско-Каспийской языковой родины в пределах собственно Европы. Основные детали этой схемы, предложенные Николаем Мерпертом в 1977 году, всё ещё остаются валидными для современных моделей эволюции степных культур, включая восточное (Волго-Уральское) и западное (Днепровское) направления, но если земледелие было весьма слабо развито к востоку от Днепра, то как мы можем характеризовать ещё более восточные археологические культуры Дона (Репин), Волги (Хвалынский) и всего региона, расположенного между Доном и Уралом (Ямная) как индоевропейские, если там отсутствовало пахотное земледелие? Хорошо известно, что население степей использовало дикорастущие съедобные растения, такие как *Chenopodium* и *Amaranthus*, и, хотя этим можно объяснить неоднозначность некоторых названий злаков, более определённых, чем просто «зерно», всё равно остаётся непонятным, почему семантическая вариативность среди родственных понятий в основном сводится к «пшенице», «ячменю» и «просу» — как будто как минимум одно из этих слов соотносится с оригинальной посевной культурой (если не с какой-то разновидностью дикого злака).

Все вышеперечисленные проблемы остаются актуальными также для пересмотренной Ренфрю версии анатолийской языковой прародины, которая предполагает движение восточных индоевропейцев (индоиранцев, тохаров) через Понтийско-Каспийские степи. И наоборот, Ближневосточная модель, которая предполагает, что предки «древних европейцев» бродили по просторам Центральной Азии, не может поместить «европейцев» к северу от южных регионов Центральной Азии ранее 2000 г. до н.э. В результате индоевропеизация большинства населения Европы окажется гораздо более поздним явлением, чем все готовы

предположить и, тем более, принять. Это отделило индоевропеизацию в Центральной и Северной Европе от таких культур как культура шнуровой керамики, которая во всех смыслах, какие только можно себе представить, является археологической, пространственной и культурной частью индоевропейского мира. Более того, таким образом создаётся «бутылочное горлышко» для северо-западной семьи индоевропейских языков, датирующееся 1500 г. до н.э., когда всё население должно было пересечь Понтийско-Каспийский регион с востока на запад и попасть в Европу. Если предположить возникновение вторичной родины и определить временной интервал для этого события в отношении балто-славянских, германских, кельтских и италийских языков, то это могло произойти весьма поздно. И это практически не оставляет времени для филогении европейских языков и перемещения носителей этих языков на места их исторической локализации.

Если создатели и апологеты данной модели искали обходной путь, пытаясь выбраться из ситуации, которую они сами же и создали, то они могли предложить маршрут на север через горы Кавказа, с тем, чтобы объяснить не только иранцев (в Синташте, по Григорьеву), но и всех прочих европейцев. Тем не менее, едва ли возможно объяснить, не создавая дополнительных проблем, каким образом предки большинства европейцев ухитрились преодолеть Кавказские горы, не оставляя пути распространения европейских языков. Если из всего этого могут быть извлечены какие-то уроки, так это только то, что в каждой из моделей происхождения индоевропейских языков могут быть выявлены серьёзные противоречия, если увеличить глубину и тщательность нашего анализа. Хочется вспомнить наблюдение Дэниела Канемана: «Для хорошего изложения первостепенную важность имеет последовательность и согласованность информации, а не полнота её. Воистину, мы часто понимаем, что знание небольшого количества фактов облегчает уложить всё, что мы знаем, в осмысленный паттерн» (Kahneman, 2011, 87).

Проблема, конечно, заключается в том, что с течением времени мы знаем всё больше и больше и наши более ранние, более простые и более заманчивые изложения теории происхождения и распространения индоевропейских языков приносятся в жертву нашим возрастающим знаниям. Мы, несомненно, продвинулись вперёд с того времени, когда Николай Мерперт впервые опубликовал свой анализ роли степей в контексте поиска прародины индоевропейских языков, но очевидно, что у нас ещё долгий путь впереди.

Литература:

- ANTHONY, D. 2007. *The Horse, the Wheel and Language*. Princeton and Oxford: Princeton University Press.
- BOUCKAERT, R., P. LEMEY, M. DUNN, S. J. GREENHILL, A. V. ALEKSEYENKO, A. J. DRUMMOND, R. D. GRAY, M. A. SUCHARD & Q. D. ATKINSON. 2012. Mapping the origins and expansion of the Indo-European languages. *Science* 337: 957–960.
- BRANDENSTEIN, W. 1936. Die Lebensformen der 'Indogermanen'. KOPPERS, W. (ed.). *Die Indogermanen- und Germanenfrage: neue Wege zu ihrer Lösung*. Salzburg and Leipzig. Pp. 31–277.
- DREWS, R. 1988. *The Coming of the Greeks*. Princeton: Princeton University Press.
- FORTSOM, B. 2004. *Indo-European Language and Culture*. Oxford: Blackwell.
- FRACHETTI, M. 2012. Multiregional emergence of mobile pastoralism and nonuniform institutional complexity across Eurasia. *Current Anthropology* 53: 1–38.
- GAMKRELIDZE, TAMAZ & V. IVANOV. 1984. *Indoevropskiy Yazyk I Indoevropeytsy*. Tbilisi: Izdatel'stvo Tbilisskogo Universiteta.
- GIMBUTAS, M. 1991. *Civilization of the Goddess*. San Francisco: Harper Collins.
- GRIGORIEV, S. 1999. *Drevnie Indoevropeytsy. Opyt istoricheskoy rekonstruktsii*. Chelyabinsk.
- GRIGORIEV, S. 2002. *Ancient Indo-Europeans*. Chelyabinsk: Rifei.
- KAHNEMAN, D. 2011. *Thinking, Fast and Slow*. London: Penguin.
- MALLORY, J. P. 1989. In *Search of the Indo-Europeans*. London: Thames and Hudson.
- MALLORY, J. P. 1997a. The homelands of the Indo-Europeans. In: BLENCH, R. & M. SPRIGGS(eds.). *Archaeology and Language 1*. London and New York: Routledge. Pp. 93–121.
- MALLORY, J. P. 1997b Aspects of Indo-European agriculture. In: DISTERHEFT, D., M. HULD & J. GREPPIN(eds.). *Studies in Honor of Jaan Puhvel. Part 1: Ancient Languages and Philology*. Washington, D.C.: Institute for the Study of Man. Pp. 1–240.
- MALLORY, J. P. 2009. The Anatolian homeland hypothesis and the Anatolian Neolithic. In: JAMISON, S., H. C. MELCHERT & B. VINE(eds.). *Proceedings of the 20th Annual UCLA Indo-European Conference*. Bremen: Hempen. Pp. 133–162.
- MALLORY, J. P. in press:a. Indo-European dispersals and the Eurasian steppe. In: MAIR, V. (ed.). *Reconfiguring the Silk Road: New Research on East-West Exchange in Antiquity*. Philadelphia.
- MALLORY, J. P. in press:b. The problem of Tokharian origins: an archaeological perspective. In: BETTS, A. & P. JIA (eds.). *East and West, Past and Future*. Sydney.
- MALLORY, J. P. & V. H. MAIR 2000. *The Tarim Mummies*. London: Thames and Hudson.

- MERPERT, N. Ja. 1961. Nekotorye voprosy istorii vostochnogo Sredizemnomor'ya v svyazi s indoevropeyskoy problemoy'. In: *Kratkie Soobshcheniya Instituta Arkheologii* 1961: 3–8.
- MERPERT, N. Ja. 1965. Ethnogenez v epokhu eneolita i bronzovogo veka. In: *Istoriya SSSR* 1, 149–160.
- MERPERT, N. Ja. 1974. *Drevneyshie Skotovody Volzhsko-Ural'skogo Mezhdurech'ya*. Moscow: Nauka.
- RENFREW, C. 1987. *Archaeology and Language*. London: Jonathan Cape.
- RENFREW, C. 1999. Time depth, convergence theory, and innovation in Proto-Indo-European: 'Old Europe' as a PIE linguistic area. In: *Journal of Indo-European Studies* 27: 257–293.
- RYABOGINA, N. E. & S. N. IVANOV. 2011. Ancient agriculture in western Siberia: Problems of argumentation, palaeoethnobotanic methods, and analysis of data. In: *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia* 39/4: 96–106.
- SVERCHKOV, L. 2012. *Tokhary: Drevnie Indoevropeytsy v Tsentral'noy Azii*. Tashkent: SMI-Asia.